

ЭПИДЕМИЯ ДИЛЕТАНТИЗМА

Приближается долгожданное и священное для каждого российского человека событие - 200-летие Отечественной войны 1812 года. Но у исследователей этой темы уже давно зародились опасения, что к юбилею могут “примазаться” и некоторые недобросовестные сочинители.

Предчувствия их не обманули...

Так, недавно высветилась довольно неожиданная проблема. Оказалось, что отсутствие в некоторых издательствах научного редактирования публикуемых книг приводит к “головкружению от успехов” у некоторых авторов. Так, в издательстве “Яуза, Эксмо” вышла прекрасно иллюстрированная книга И.Э.Ульянова о русской пехоте.¹ К полиграфическому качеству издания претензий нет. Но буквально всех знатоков эпохи 1812 г. неприятно поразила аннотация, сопровождающая эту книгу. Её анонимный автор самоуверенно заявил, будто “эта книга станет безусловной классикой. На это исследование будут ссылаться и через 100, и через 200 лет – как сейчас цитируют основополагающие труды А.И.Михайловского-Данилевского, М.И.Богдановича, Е.В.Тарле. Именно о работах такого уровня говорят, что они “закрывают тему”!

Спору нет, И.Э.Ульянов проделал большую работу, докопался до мельчайших деталей организации, комплектования, обучения и боевого применения русской пехоты. Но ни один трезвомыслящий историк не позволил бы петть себе столь неумеренные дифирамбы. Во-первых, каждый любитель той эпохи знаком со справочниками Г.С.Габаева и А.А.Подмазо, на основе которых и составлены “Приложения” в новой книге. Во-вторых, глава “Пехота в боях” является не исследованием, а простой компиляцией трудов нескольких отечественных историков. В-третьих, автор льстивого дифирамба не осознаёт, что исследования А.И.Данилевского и М.И.Богдановича с одной стороны и книга И.Э.Ульянова с другой, относятся к абсолютно разным, несоизмеримым “весовым категориям”. Последняя не может идти ни в какое сравнение с первыми ни объёму, ни по широте охвата материала, ни по проблематике. Советуем И.Э.Ульянову подсчитать, сколько тысяч источников и десятков исследований, в том числе на иностранных языках, изучили они при создании своих трудов. Да и самим издателям следует быть более объективными при составлении аннотаций к публикуемым книгам, дабы не попасть впросак.

Едва успели мы написать эти строки, как в том же издательстве вышла книга некоего Б.В.Юлина с не менее интригующей аннотацией, в которой лихо заявлено, будто сей сочинитель дал “неожиданные ответы” на вопросы: “Каково было подлинное соотношение сил при Бородине? Какие потери понесли противники в ходе битвы? Кто же всё-таки одержал победу?”. Объявляется, что “его книга - *свежий, во многом сенсационный взгляд* на историю Бородинского сражения”.² Подобные обещания могут поразить воображение разве что несведущего читателя, не знакомого с серьёзными исследованиями по данной тематике. А у подкованного читателя сразу зарождается сомнение, каким это образом никому не известный сочинитель смог одним махом ответить на вопросы, над решением которых серьёзная наука бьётся уже целых два столетия?

Подозрения начинают подтверждаться буквально с первых страниц книги. Сам же автор признаёт, что историками “ход Бородинского сражения расписан практически по минутам”, а потому его задачей “не является создание очередного описания битвы”. Его “книга не является строгим научным исследованием. Скорее, это попытка понять суть произошедшего на Бородинском поле”, “то есть попробовать не найти неизвестные ранее факты, а по-новому взглянуть на имеющиеся” и “отследить основные закономерности Бородинской битвы”. Получается, что строго научными методами понять смысл сражения невозможно, нужно всего лишь как-то по-новому на него взглянуть...

Авторский текст занимает 115 страниц, из которых почти половина не имеет отношения к сражению, а описывает “организацию и вооружение сторон” и их командный состав. Эту жалкую компиляцию вообще нет смысла анализировать. Отметим лишь самые вопиющие ошибки. Автор заявляет, будто Д.П.Неверовский со своей “молодой и необстрелянной дивизией” “по сути спас русскую армию от разгрома, сумев под Красным, отступая, остановить” всю наполеоновскую армию. Он не знает, что на самом деле под командой генерала была не 27-я дивизия, а “обсервационный корпус”, половина которого состояла из обстрелянных полков. Он не ведаёт, что 2/14 августа Неверовский отступил более чем на 50 км, ну а как можно было при этом “отступая, остановить” противника, никто, кроме самого сочинителя, объяснить не сможет.

Б.В.Юлин пишет, будто в русской кампании “Жюно сумел отличиться быстрым захватом переправ в Орше”, чем обеспечил переправу войск Наполеона через Днепр, но “в ходе Смоленского сражения Жюно впервые проявил нерешительность”. Ему неизвестно, что А.Жюно прибыл в Оршу, когда она уже была занята французскими войсками и что нерешительность он проявил не в Смоленском сражении, в котором не участвовал, а у Валутиной Горы. Не соответствует истине и заявление, будто генерал Э.Нансути сначала командовал “тяжелой кавалерийской дивизией”, а потом 1-м кавалерийским корпусом (мы уж не говорим о том, что тяжёлой могла быть только кавалерия, но никак не дивизия). Нелепо звучат выражения, что “25-я дивизия была Вюртембергской и состояла в основном из немцев”, что в 8-м корпусе “обе дивизии были Вестфальские и состояли в основном из немцев”, поскольку и Вюртемберг, и Вестфалия были немецкими государствами. А как вам выражение, что 7-я дивизия была “немецко-польской с преобладанием вестфальцев и саксонцев”? Автору неизвестно, что дивизия генерала А.Рожнецкого, фамилию которого, кстати, он исказил, имела всего одну бригаду.

Теперь о главном - как автор решил основные проблемы Бородинского сражения. Первой “странностью” является выбор русским командованием позиции и размещение на ней войск, поскольку половина армии и самые прочные укрепления оказались в том месте, куда противник даже не пошёл. Б.В.Юлин тщится доказать, что никакой ошибки здесь нет, так как “Масловские флеши с тяжёлой артиллерией” были “своеобразной страховкой” от возможного обхода противником русского правого фланга по “Гжатскому торговому тракту”, который и должна была обстреливать “батарея на Масловских флешах”. Но сможет ли автор хотя бы на одной аутентичной карте отыскать этот мифический Гжатский тракт? Сей сочинитель даже не понимает, что Масловские укрепления были вовсе не флешами, а состояли из пятиугольного редута и двух люнетов, соединённых ретраншементами. Предполагать же возможность обхода противником этого фланга на столь большом удалении от главной дороги просто бессмысленно.

Столь же фантастическим способом Б.В.Юлин решил проблему Шевардинского редута, заявив, будто бы “размещение у Шевардино тяжёлой батареи должно было заставить Наполеона действовать в соответствии с русским планом, то есть развёртывать силы... на поле севернее деревни Бородино”, чтобы вывести войска из зоны обстрела. Но учёными давно доказано, что с редута невозможно вести эффективный огонь по Новой Смоленской дороге из-за слишком боль-

шого расстояния. Однако автор легко устранил это возражение - оказывается, “исследователи и историки путают эффективный огонь по конкретным единичным целям... и эффективную стрельбу по площадным целям”, и никакие ссылки на источники автору не указ. Так что никаких ошибок в размещении войск М.И.Кутузов (на самом деле К.Ф.Толь), оказывается, не сделал, а наоборот, “образцово выбрал позицию”, и это было “весьма разумное и продуманное расположение русской армии в соответствии с требованиями военной науки того времени”. Правда, сам автор вряд ли знаком с требованиями этой самой науки, как и с реальными возможностями артиллерии той эпохи. Он явно не знает реальных размеров Шевардинского редута и не понимает, что стрельбой из 5 пушек на предельную для них дистанцию невозможно остановить развёртывание целой армии. Но автор уже нашел для себя способ решения всех проблем, и поэтому всё, что противоречит его схеме, просто объявляется неправильным.

Другим “открытием” Б.В.Юлина является выдуманная им “Гранд-батарея”, куда он безо всяких на то оснований и доказательств включил батареи Сорбье, Фуше и Пернети, заявив при этом, что “Наполеон осмелился разместить орудия на расстоянии 700-1000 саженей от Семёновских флешей и 1200-1300 от Курганной батареи”. Так и хочется спросить автора, с чего бы это французы начали измерять расстояния *саженями*, откуда вообще взялись эти расстояния и знает ли он, где на самом деле находились упомянутые батареи? Ответа мы наверняка не получим, так как автор не знает о существовании французской карты, снятой через несколько дней после сражения. Именно на ней видны два укрепления, обозначенные литерами “В”, которые историки называли батареями Сорбье и Фуше. Беда лишь в том, что они не удосужились прочитать легенду к карте, где написано, что эти буквы обозначены “укрепления для пехоты”, причём сооружены они были ещё русскими войсками. Так что, вопреки расхожему представлению, мы не знаем точно, где эти батареи располагались.

По заявлению Б.В.Юлина, именно эта придуманная им “Град-батарея” была “одним из основных инструментов достижения победы”, и на всём протяжении книги он пытается убедить читателя, будто именно она в течение всего дня “работала с дальних дистанций по площадям”, нанося самые страшные потери русским войскам. Эти заявления лишней раз выдают в авторе кабинетного схоласта, который не знает иностранных источников, а потому не ведает, в какой момент времени, где и какие французские

батареи находились. Автору этого и не требуется, так его фантастическая батарея “на протяжении целого дня сражения” исправно бьёт по русским войскам, причём через головы своих же войск - выдумать такое не под силу никакому реальному историку.

Описание самого Бородинского сражения не представляет абсолютно никакого интереса, ибо Б.В.Юлин просто переписал большие куски из книги А.И.Михайловского-Данилевского, в том же году переизданной в том же самом издательстве! Автор не понимает, что любое, даже самое совершенное исследование через 150 лет неизбежно устаревает, и без тени сомнения повторяет ошибки Данилевского, именуя, например, генералов Дессэ - Дезе, Ватье - Вотье, Кампана - Кампаном, Дюма - Дюмасом, интенданта Пюибюска - Тюибюси. У Данилевского он списал, будто генерал Монрён был убит “при атаке редутов нашего левого фланга”, хотя тот вообще не успел поучаствовать в атаках. Вслед за Данилевским он повторил выдумку Толя о том, будто бы в 9 часов вечера неприятель овладел было Семёновским, но был выбит лейб-гвардии Финляндским полком. Он смело бросает в атаку на батарею Раевского 2-й баденский полк, который в сражении не участвовал! Рассуждения Б.В.Юлина о потерях обеих сторон не стоят и ломаного гроша, так как источников он не знает, а цифры переписал у других авторов. Повторение им избитого штампа о том, что Бородино было моральной победой русской армии, говорит о том, что он не имеет ни малейшего представления о морально-психологическом состоянии русской армии в период её отступления от Бородино до Москвы и после сдачи “первопрестольной”.

Автору неизвестны новейшие исследования о Бородинском сражении, и потому его сочинение выглядит анахронизмом, сдобренным слишком вольными допущениями. Поэтому нет смысла далее спорить с Б.В.Юлиными и перечислять целую уйму его ошибок и передержек. И как можно было ожидать от подобного автора, прочитавшего лишь книжку 150-летней давности, серьёзных ответов на кардинальные вопросы, вынесенные на обложку издания?

В том же году вышла книга некоего В.М.Хлёткина, почему-то изданная под грифом “национальная безопасность”, что само по себе вызывает некую настороженность.³ В аннотации сказано, что “автор с удивительной деликатностью изложил значение и роль князя М.И.Кутузова в победе над армией Наполеона”. В самом же тексте мы встречаем слова Кутузова о выбранной им при Бородино позиции, и тут же следует комментарий автора: “Здесь всё ложь - и позиция была неважная, и намерение Кутузова было иное, да и

о победе он не помышлял... Александр, должно быть, морщился, читая эти строки: “Что он несёт, этот хвастливый старик!””. Вот уж действительно “удивительная деликатность”. В.М.Хлёткин пишет, будто Шевардинский редут позволил Кутузову “привлечь атаку неприятеля на этот участок позиции”, но вряд ли он сможет объяснить, зачем нужно было русскому полководцу привлекать неприятеля к самому слабому месту своей позиции? Автор совершенно не различает понятий “источники” и “историография”, постоянно “сваливая их в одну кучу”. Не понимает он и такого основополагающего для историка понятия, как “критика источника”. Всё это говорит об отсутствии у него даже элементарного исторического образования. Он упоминает генерала А.Ф.Вёльварта, которого не то что при Бородино, но и в России не было. Он именует Ф.Сегюра “ординарцем Наполеона”, то есть “опускает” генерала до звания капитана.

В.М.Хлёткин заявил, что историки “совсем не заметили” одно укрепление – “пятиугольный редут”, возведённый впереди Бородино и предназначенный для “превентивного сдерживания атаки неприятеля на наиболее угрожаемом направлении”. Далее он заявил, будто “это укрепление отечественная историография упорно отказывается идентифицировать как русское и настойчиво приписывает его французам”, которые, оказывается, называли этот редут “главным”. Во-первых, это укрепление предназначалось для поддержки отступавшего русского арьергарда, ибо на французской карте чётко указано направление огня в сторону наступающей армии. Во-вторых, хотелось бы узнать, кто же из русских историков приписывал укрепление французам, если они даже не заметили его? Что касается заявления, будто этот “редут” французы называли “главным”, то оно явно не выдерживает никакой критики.

Лейтмотивом данного сочинения является заявление В.М.Хлёткина о том, будто “историография сражения в буквальном смысле слова соткана из домыслов”, будто “в историографии Бородинского сражения царит произвол домыслов”. И чем же занимались историки в течение 200 лет? “Порой складывается впечатление, пишет автор, что мы пишем не свою, а французскую историографию Бородинского сражения - до такой степени отечественная историография находится под влиянием французской”. Он считает, что у каждой нации должна быть своя историография, безоглядно прославляющая свою армию и попирающая все прочие. Ему неизвестно, что идеалом историописания является объективность, основанная на учёте сведений с той и с другой стороны, и что историки пишут не историографию, а историю.

Автор гневно возмущается “той лёгкостью, с которой историки, даже благонамеренные, допускают возможность поражения русских войск... Эта готовность к поражению, демонстрируемая историками, находится в кричащем противоречии с духом и настроением русской армии накануне битвы”. Смысл возмущения таков: поскольку русские участники сражения не считали его потерянным, то проиграли его не они, а историки. “Добавим к этому,- пишет автор,- что подобное пораженчество всегда есть свидетельство зависимости данного историка от точки зрения французской историографии”. Вот так, русский историк не может даже помыслить о поражении русской армии! А как же быть с Аустерлицем, Фридландом или Цусимой?

В.М.Хлёткин возмущается тем, что “отечественная историография увлеклась цитированием сочинений французских авторов, только закрепляя их ошибки. И это тем более удивительно, что действия французских войск при Бородине в гораздо меньшей степени поддаются верификации со стороны источников, нежели действия русских войск. Такая ситуация объясняется прежде всего слабостью источниковой базы французской историографии... среди которой мы находим главным образом сочинения мемуарного характера... Документов практически нет”. Подчеркнём, что мемуары никоим образом не относятся к историографии и что “документов нет” только для несведущего сочинителя, который не заметил, что В.Н.Земцов процитировал несколько французских рпортов. Ему не ведомо, что сохранились также рапорты Мюра, Нея, Богарнэ, Жерара, Понятовского и Шелера. Впрочем, даже если бы он и знал об этом, это не изменило бы сути дела, ибо он заранее убеждён, что все французские источники непременно лгут. В.М.Хлёткин надменно напомнил историкам, что “ещё А.З.Манфред в начале 70-х гг. выяснил, что архива наполеоновской армии, вторгшейся в Россию, не существует”. Поясним автору, что А.З.Манфред написал добротную монографию о Наполеоне, но знатоком войны 1812 г. он не был, а просто переписал марксистские стереотипы у Л.Г.Бескровного и П.А.Жилина. Что же касается “архива Великой армии”, то ещё в начале XX в. Ж.Фабри опубликовал 5 больших и 3 средних по размеру тома документов, и ещё 4 сборника опубликовал А.Шюке.

В.М.Хлёткин заявил, будто “русские войска, защищавшие Шевардинский редут, отступили от него (мы подчёркиваем - отступили, а не были выбиты)... Когда же усилившийся неприятель выбил наши войска из редута, то они дважды, но безуспешно, пытаются взять редут обрат-

но”. Чуть ниже он написал, что “к концу дня русские возвратили себе редут и отстояли свои позиции. После этого никаких внятных свидетельств сражения мы не наблюдаем”. Достигается такой вывод очень просто - за счёт полного игнорирования иностранных источников.

Автор привёл известную фразу Кутузова о том, что Наполеон “нельзя как осторожен, теперь закапывается по уши”, и заявил, будто “никто из лиц, пишущих о Бородинском сражении, обыкновенно не обращает внимание на это письмо Кутузова, привычно игнорируя гений русского полководца”. Это заявление не соответствует истине, ибо отечественные авторы редко упускали случай, чтобы с помощью этой фразы не ущучить лишний раз Бонапарта. Но не это главное. Опираясь на эту цитату, В.М.Хлёткин выводит два вызывающих удивление заключения.

1. Известно, что для прикрытия своего левого фланга французы возвели напротив Бородино так называемые “укрепления Богарнэ”. Автор заявил, что они имели не только оборонительное, но и демонстрационное назначение. На справедливо возникающий вопрос, для чего нужно было привлекать сюда внимание русских, у него уже готов ответ: “Для того чтобы ввести неприятеля в заблуждение относительно истинных намерений Наполеона”. Ответ более чем странный, поскольку ещё генерал А.П.Ермолов, наблюдавший за возведением этих укреплений, сразу сделал однозначный вывод - французы здесь наступать не собираются и главный удар будут наносить южнее р. Колочь!

2. По мнению автора, на карте Пресса, Шверие и Реньо “картина французских укреплений не вполне согласуется со свидетельствами других источников, как русских, так и французских”. По его заверению, и Ж.Пеле также “умалчивает о других укреплениях, возводимых французами 25-го числа... (всюду мы наталкиваемся на это лукавое умолчание французских свидетельств) - они сооружались против центра и левого фланга русской позиции, и о них мы узнаём уже из русских источников”. При этом В.М.Хлёткин сослался на Глинку, который с высоты колокольни в Бородино видел огромные батареи. Вопреки очевидному факту, что речь идёт об “укреплениях Богарнэ”, автор заявил, будто “они располагались западнее и севернее д.Шевардино”, и сослался на карту, сочинённую в 1902 г.! На этой карте он разглядел и “другие два французских укрепления - редуты, устроенные на Шевардинском и Доронинском курганах. Все вместе эти укрепления, построенные по фронту французской армии, действительно представляли собой мощную фортификационную систему”. Все эти выдуманные автором батареи были якобы

построены из-за опасения русской атаки, и поэтому “французы предпочли умолчать об этом, словно стыдясь обнаружить свое опасение противника”. Одно можно сказать - фантазия автора пределов не знает. Ни в одном источнике мы, естественно, не найдём сведений об этих мифических укреплениях.

Автор заявил, будто батарея Сорбье “выполняла защитительные функции”, даже не замечая, что это прямо противоречит приказу императора, где сказано, что Сорбье должен был “направиться к одному или другому редуту” (“флешам”), то есть наступать. С необоснованной критикой автор обрушился на мемуары генерала Ж. Перне-ти, которые, по его словам, “являются, по нашему убеждению, самой настоящей мистификацией, которую следовало бы вернуть по принадлежности в ту самую “машинописную мастерскую в Лионе”, откуда они и происходят”. Подобным же образом он разделяется со всеми источниками, которые прямо противоречат его концепции.

В.М.Хлёткин заявил, что “в отечественной литературе сложилось ошибочное мнение, будто “Официальные известия из армии от 27 августа” исходят из штаб-квартиры Кутузова. В действительности данный документ был создан в Петербурге” и являлся репликой на 18-й бюллетень Великой армии. Цель подобного заявления ясна - отвести от Кутузова обвинение в публикации откровенной лжи о том, будто на следующий день после сражения генерал М.И.Платов был послан для преследования противника и нагнал его аррьергард в 11 верстах от Бородино. Никаких доказательств своего утверждения автор не привёл, да и вряд ли сможет объяснить, каким образом листовка, выпущенная 8 сентября, могла быть ответом на бюллетень, опубликованный лишь 12 сентября?

Автор пытался преподнести себя как первооткрывателя. Так, он заявил, что нашёл документ, “который удивительным образом ускользает от внимания отечественной историографии”, а именно рапорт генерала И.Д.Панчулидзева, каковой он отнёс к Шевардинскому бою. В самом рапорте дата не указана, но обронённая генералом фраза о том, что Черниговский полк “чрез весь день подвержен был” артиллерийскому и ружейному огню, говорит о том, что речь идёт не о 24, а о 26 августа! Более того, в 2002 г. в журнале “Родина” был опубликован иной вариант этого же рапорта “за 26-е прошедшего месяца, которого числа ... Черниговский драгунский полк чрез весь день находился под жестоким неприятельским огнем”. Заметить такие нюансы автор просто неспособен.

В.М.Хлёткин проигнорировал статью В.Н.Земцова о рекогносцировках Наполеона 6 сентября и статьи А.А.Смирнова о Шевардин-

ском редуте. Он также “не заметил” и нашу статью о “засадном корпусе Тучкова”, и ясно почему - чтобы выдумать очередную несурязицу. Он заявил, будто “3-й пехотный корпус был поставлен вечером 24 августа не на Старой Смоленской дороге, а всего лишь “в версте позади д.Семеновской, в резерве 2-й армии”, и сослался при этом на статью В.Афанасьева. Он сослался на “рапорт Беннигсена” (на самом деле мемуары), чтобы заявить, будто бы тот разместил 3-й корпус и Московское ополчение открыто, дабы запугать неприятеля. При этом автор не утруждает себя объяснением, как Наполеон мог увидеть эти войска через Утицкий лес.

В.М.Хлёткин возмутился тем, что “французская историография старается не замечать появления русских войск на Старой Смоленской дороге... Это ещё одна уловка, к которой прибегает французская историография, искажая правду о Бородинском сражении”. Это обвинение не соответствует действительности. Поясним, что никакая историография не заметит того, чего нет в источниках. При этом автор заявил: “Поразительно, но никому так и не пришлось в голову подвергнуть сомнению свидетельство свитского прапорщика” А.Щербинина. Он даже не знает, что мы подробно осветили данный сюжет ещё в 1998 г.

Стремясь изобразить широкую осведомлённость, В.М.Хлёткин цитирует иностранные источники, не учитывая, что используемые им древние переводы устарели. Он процитировал примитивный перевод мемуаров Фоссена, что его полк потерял “храброго адъютант-майора Ристона” с “его адъютантом, майором и 12 субалтерн-офицеров”. К сожалению, автор не осведомлен, что в данном случае речь идёт о звании “старший адъюдан”, тогда как слово адъютант во французском языке пишется иначе: “aide de camp”. А кто из читателей сможет понять устаревшее слово “субалтерн”? В другом переводе поляк Мацей Рыбиньский назван Матвеем. А вот отрывок из мемуаров Пьон де Лоша: “Генерал Нури приказал мне именем фельдмаршала поставить мою батарею на передовую линию”. Сможет ли автор назвать хоть одного фельдмаршала в Великой армии? Конечно, нет, потому что он даже не заметил этой несурязицы.

В.М.Хлёткин рискнул привести приказы Наполеона перед сражением, так как, по его мнению, после 1912 г. “эти документы в отечественной литературе в полном виде не появлялись”. В литературе, может быть, и не появлялись, но современные историки весьма внимательно их изучали. К тому же В.М.Хлёткин вновь не учитывает, что допотопный перевод безбожно устарел. В приказе Наполеона не могло быть написано “не доходя 8 вёрст до Можайска” - там ука-

зано “в двух льё”. Нелепо переведена подпись под приказами: “Князь Невшательский, Общий майор, Александр”. На самом деле подпись поставил начальник Главного штаба армии маршал А.Бертье, князь Нёвшталский.

В.М.Хлёткин попенял историкам, что знакомство с источниками не является их привилегией: “В настоящей работе мы стремились познакомить читателя со всей источниковой базой Бородинского сражения, чтобы он мог по собственным впечатлениям, а не со слов тенденциозных интерпретаторов судить о сражении”. Конечно, читать источники может каждый, но чтобы писать научные книги, нужно уметь их анализировать. Автор же способен лишь выдвигать несуразные идеи и для их оправдания “притягивать за уши” произвольно надёрганные из источников цитаты.

Оба проанализированных выше опуса похожи друг на друга и подозрительно напоминают сочинения П.Н.Грюнберга, на развенчание которых нам пришлось потратить немало времени.⁴

Все эти “клоны” имеют одинаковые черты: в основе их лежит априорная, схоластическая “концепция”, рождённая полным незнанием основ исторического ремесла и очень плохим знанием источников, особенно иностранных, “притягиванием за уши” некоторых показаний источников для оправдания не имеющей реальных оснований “концепции”, полное игнорирование научных исследований последних 20 лет.

Страшно представить, какое извращённое представление о великой баталии сложится у неподготовленного читателя после знакомства с таким паноптикумом устаревших догм, беззастенчивых фальсификаций и бредовых фантазий!

Но главная проблема заключается даже не в таких доморощенных дилетантах, как П.Н.Грюнберг, В.М.Хлёткин и Б.В.Юлин, о которых почтенная публика никогда бы и не узнала, а в том, что находятся публикующие их сочинения недобросовестные книгопродавцы, которые пытаются эксплуатировать актуальную проблематику в расчёте получить дешёвую популярность и быструю прибыль.

P.S. Не так давно мы зашли в церковную лавку, расположенную в Спасо-Бородинском монастыре посреди Бородинского поля, и обнаружили там брошюру под названием “Наполеон, как предтеча Антихриста”. Сразу возник вопрос, в каком веке мы живём?!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ульянов И.Э. 1812. Русская пехота в бою. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

² Юлин Б.В. Бородинская битва. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

³ Хлёткин В.М. Канун Бородина. Военно-исторический очерк с картами того времени / Союз писателей России, продюсерская компания “Ихтиос”, Национальная безопасность: Приложение к журналу “Новая книга России”. М., 2008.

⁴ Современное мифотворчество... // Отечественная война 1812 года и российская провинция. Малоярославец, 2003. С. 19-31; Что нам стоит бой “построить”? // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 9. № 2. 2007. С. 307-314; “Бедный, бедный Павел...”, или неистребимый “зуд изобретательства” // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2009. С. 20-40.

*Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Поволжского филиала Института
российской истории РАН
А.И. Попов, FINS*